

18+

Кренов Валерий

**СУДЬБА МЕЖДУ
ДВУМЯ
ЖЕНЩИНАМИ**

Знаки настоящей любви

Кренов Валерий

**Судьба между двумя женщинами.
Знаки настоящей любви**

«Издательские решения»

Валерий К.

Судьба между двумя женщинами. Знаки настоящей любви /
К. Валерий — «Издательские решения»,

Валера живёт между памятью о Маше, своей первой большой любви, и новой связью с Сашей, которая приходит в его жизнь после утраты. Но сны, старый дом и чужая тень втягивают его в историю, где любовь становится тайной, а прошлое отказывается отпустить. Дисклеймер: все персонажи и события вымышлены, любые совпадения случайны. Книга содержит мистические и взрослые темы и предназначена только для совершеннолетних читателей.

Судьба между двумя женщинами Знаки настоящей любви

Кренов Валерий

© Кренов Валерий, 2026

ISBN 978-5-0070-0376-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дисклеймер: Все персонажи, события и совпадения с реальными людьми являются вымышленными. Книга содержит мистические и взрослые темы и предназначена только для совершеннолетних читателей.

Оглавление

Дисклеймер

Пролог

Глава 1. Возвращение в дом

Глава 2. Студенческие годы

Глава 3. Большая любовь

Глава 4. После Маши

Глава 5. Третья женщина

Глава 6. Кто она

Глава 7. Письмо Маши

Глава 8. У зеркала

Глава 9. Выход из дома

Эпилог

Введение

Валера всегда считал, что любовь — это чувство, которое приходит внезапно и меняет не только сердце, но и судьбу. В его жизни это произошло дважды: сначала с Машей, женщиной тихой, красивой и тревожно-загадочной, чье появление в его доме казалось подарком, а обернулось предвестием беды; затем с Сашей, яркой, прямой и будто бы созданной для того, чтобы вытащить его из прошлого, хотя именно она окажется связана с ним куда глубже, чем он мог предположить.

Их история начинается не с признания и не с поцелуя, а с тайны. В старом доме, где Валера хранил антиквариат, зеркала иногда отражали то, чего в комнате не было; ночами слышались шаги, а в воздухе стоял запах сырости, воска и чего-то неуловимо знакомого, словно дом помнил чужую боль лучше, чем живые люди помнят собственную любовь. Маша первой почувствовала это странное дыхание прошлого. Она пришла в его жизнь как реставратор старинных вещей — спокойная снаружи, но с надломом внутри. Между ней и Валерой быстро возникло притяжение, сильное, почти болезненное, однако вместе с близостью пришло и ощущение, что за их чувствами кто-то наблюдает.

Когда Маша исчезла из его жизни так же внезапно, как появилась, Валера долго не мог понять, была ли это трагедия, бегство или часть более страшной игры. Он пытался забыть ее, но в каждом отражении видел ее взгляд, в каждой случайной тени — намек на ее присутствие. Именно тогда появилась Саша. В отличие от Маши, она не казалась хрупкой: в ней было больше света, дерзости и внутренней силы. Но именно Саша первой сказала вслух то, что Валера боялся даже думать: Маша не просто ушла, а оставила после себя неразгаданную

тайну, связанную с домом, проклятием и давно похороненной историей одной любви, которая однажды уже разрушила чью-то жизнь.

Постепенно становится ясно, что обе женщины связаны не только с Валерой, но и между собой. Маша — первая любовь, оставившая на его сердце след, который не заживает. Саша — вторая, пришедшая не для того, чтобы заменить первую, а чтобы раскрыть истину, скрытую в стенах дома и в самой судьбе Валеры. И чем глубже он погружается в эту историю, тем сильнее понимает: его чувства к ним обеим — не случайность, а часть рокового круга, из которого нельзя выйти, не заплатив цену.

Эта книга — история о любви, ревности, памяти и тайне, которая живет дольше людей. Здесь у каждого героя есть своя правда, у каждого чувства — своя тень, а у прошлого — слишком длинные руки. И когда Валера наконец узнает, кем на самом деле были Маша и Саша в его судьбе, окажется, что самая страшная загадка все это время была связана не с женщинами, а с ним самим.

Валера всегда считал, что любовь — это чувство, которое приходит внезапно и меняет не только сердце, но и судьбу. В его жизни это произошло дважды: сначала с Машей, женщиной тихой, красивой и тревожно-загадочной, чье появление в его доме казалось подарком, а обернулось предвестием беды; затем с Сашей, яркой, прямой и будто бы созданной для того, чтобы вытащить его из прошлого, хотя именно она окажется связана с ним куда глубже, чем он мог предположить.

Их история начинается не с признания и не с поцелуя, а с тайны. В старом доме, где Валера хранил антиквариат, зеркала иногда отражали то, чего в комнате не было; ночами слышались шаги, а в воздухе стоял запах сырости, воска и чего-то неуловимо знакомого, словно дом помнил чужую боль лучше, чем живые люди помнят собственную любовь. Маша первой почувствовала это странное дыхание прошлого. Она пришла в его жизнь как реставратор старинных вещей — спокойная снаружи, но с надломом внутри. Между ней и Валерой быстро возникло притяжение, сильное, почти болезненное, однако вместе с близостью пришло и ощущение, что за их чувствами кто-то наблюдает.

Когда Маша исчезла из его жизни так же внезапно, как появилась, Валера долго не мог понять, была ли это трагедия, бегство или часть более страшной игры. Он пытался забыть ее, но в каждом отражении видел ее взгляд, в каждой случайной тени — намек на ее присутствие. Именно тогда появилась Саша. В отличие от Маши, она не казалась хрупкой: в ней было больше света, дерзости и внутренней силы. Но именно Саша первой сказала вслух то, что Валера боялся даже думать: Маша не просто ушла, а оставила после себя неразгаданную тайну, связанную с домом, проклятием и давно похороненной историей одной любви, которая однажды уже разрушила чью-то жизнь.

Постепенно становится ясно, что обе женщины связаны не только с Валерой, но и между собой. Маша — первая любовь, оставившая на его сердце след, который не заживает. Саша — вторая, пришедшая не для того, чтобы заменить первую, а чтобы раскрыть истину, скрытую в стенах дома и в самой судьбе Валеры. И чем глубже он погружается в эту историю, тем сильнее понимает: его чувства к ним обеим — не случайность, а часть рокового круга, из которого нельзя выйти, не заплатив цену.

Эта книга — история о любви, ревности, памяти и тайне, которая живет дольше людей. Здесь у каждого героя есть своя правда, у каждого чувства — своя тень, а у прошлого — слишком длинные руки. И когда Валера наконец узнает, кем на самом деле были Маша и Саша в его судьбе, окажется, что самая страшная загадка все это время была связана не с женщинами, а с ним самим.

Валера не приезжал сюда почти три месяца. За это время он успел убедить себя, что все случившееся с Машей было страшной случайностью, нервным срывом, игрой воображения, усиленной одиночеством и старым домом, который слишком долго стоял без настоящих хозяев. Но стоило ему снова увидеть потемневший фасад особняка на тихой улице, как прежняя уверенность рассыпалась. Дом не выглядел заброшенным — он выглядел ожидающим.

Снаружи стояла поздняя осень. Ветви голых деревьев царапали окна, будто пытались заглянуть внутрь. На крыльце лежали мокрые листья, и каждый шаг отдавался под сводами пустого подъезда глухим, почти церковным эхом. Валера медлил у двери, сжимая в руке связку ключей, и вдруг почувствовал странный запах: сырость, пыль, старое дерево и тонкий аромат духов, который он не мог спутать ни с чем. Такие духи носила только Маша.

Он резко обернулся, но двор был пуст.

— Нервы, — тихо сказал он сам себе, хотя голос прозвучал неуверенно.

Замок поддался не сразу. Внутри было темно, холодно и тихо, но не по-настоящему тихо — в такой тишине всегда слышится что-то еще: шорох, дыхание, присутствие. Валера зажег свет в прихожей, и желтая лампа осветила знакомые вещи: старую вешалку, зеркало в тяжелой раме, коврик с вытертым узором. Все было на месте, и все же казалось чужим, словно дом за время его отсутствия успел изменить не только запах, но и память.

На столике у зеркала лежал конверт.

Он не видел его, когда уезжал. И никто не должен был сюда заходить: сломанный замок на калитке он не чинил, но снаружи следов взлома не было. Валера осторожно взял конверт. Бумага была плотная, почти дорогая, без подписи. Внутри — только одна фотография. На ней был он сам, стоящий у окна, снятый, судя по всему, из соседнего двора. Лицо у него было напряженное, словно он о чем-то думал. Снимок был сделан вчера или позавчера. Внизу, аккуратным почерком, было написано: «Ты вернулся слишком поздно.»

Холод прошел по спине.

Он обошел все комнаты, включил свет в кабинете, в гостиной, в бывшей спальне матери. Ничего не изменилось, но каждое помещение встречало его по-разному: где-то воздух был слишком тяжелым, где-то — слишком пустым, а в одной из комнат он вдруг отчетливо услышал женский смех. Тихий, короткий, почти ласковый. Валера замер. Смех повторился, но уже ближе, будто кто-то только что прошел мимо двери.

Он распахнул ее, однако коридор был пуст.

Тогда он впервые за несколько недель позвонил Саше.

Она приехала через сорок минут, в темном пальто, с собранными назад волосами и с таким выражением лица, будто давно ожидала этого звонка. Саша не спрашивала, почему он позвал ее именно сейчас. Она просто вошла в дом, огляделась и сказала:

— Здесь кто-то был.

— Я тоже это чувствую, — признался Валера.

Саша подошла к зеркалу в прихожей, долго смотрела в свое отражение, потом медленно провела пальцем по стеклу.

— Оно холодное, — сказала она. — Слишком холодное для обычного стекла.

Валера хотел ответить, но в этот момент из глубины дома донесся глухой стук. Они переглянулись. Звук повторился — будто кто-то ударил чем-то тяжелым по полу или по стене в комнате наверху. Саша сразу поднялась по лестнице, не дожидаясь его. Валера последовал за ней.

На втором этаже они нашли приоткрытую дверь в комнату, где прежде хранились старые вещи. Внутри пахло плесенью и воском. На полу стояла свеча, еще теплая, словно ее только что погасили. Рядом лежала маленькая кукла, сделанная из тряпок и ниток. На ее шее болталась тонкая цепочка с кулоном в форме лилии — такой же, как на фотографии из Машиных вещей, которую Валера однажды видел в ее сумке.

Саша наклонилась, чтобы поднять куклу, но Валера остановил ее.

— Не трогай.

— Почему?

Он не успел ответить. Изнутри шкафа раздался едва слышный стук.

Они отступили. Дверцы шкафа медленно дрогнули и сами собой приоткрылись. На верхней полке лежала коробка, которой там раньше не было. Валера осторожно достал ее. Внутри оказался дневник в потрепанной кожаной обложке. Почерк на первой странице был знакомым. Машин.

Саша подняла глаза на Валеру.

— Это она оставила?

— Не знаю, — сказал он. — Но кажется, что да.

Он сел на край кровати и раскрыл дневник. Записи начинались спокойно, почти буднично: наблюдения о доме, о странных звуках, о холоде в зеркалах, о снах, в которых кто-то звал ее по имени. Но чем дальше он читал, тем сильнее менялось все написанное. Страницы становились тревожнее, почерк — неровнее. Маша писала, что однажды увидела в зеркале не свое отражение, а женщину в длинном темном платье. Та женщина смотрела на нее с жалостью и произнесла одно слово: «Потомок.»

Валера поднял взгляд.

— Что это значит?

Саша молчала несколько секунд, потом тихо ответила:

— Это значит, что ты уже был частью этой истории. До нас. До Маши.

Тишина в комнате стала плотной, почти осязаемой. Валера перевернул следующую страницу. Там, среди нескольких сбивчивых строк, была фраза, написанная особенно резко, будто в отчаянии:

«Он не случайно вернулся в этот дом. Его привело сюда то, что осталось незавершенным.»

Саша присела рядом.

— Валера... ты ничего не знаешь о своей семье?

Он хотел сказать, что знает достаточно, но вдруг понял, что это не так. От отца у него остались только обрывки воспоминаний, а о матери — несколько сухих семейных историй, в которых всегда чего-то не хватало. Дом достался ему не случайно. Он достался ему по линии, о которой в семье предпочитали не говорить.

— Мать однажды сказала, — медленно произнес он, — что этот дом лучше было бы продать. Но почему — не объяснила.

Саша посмотрела на него так, будто все пазлы в ее голове начали складываться в одну картину.

— Тогда Маша была права. Здесь есть история, которую кто-то очень старался скрыть.

Снизу снова раздался звук. На этот раз отчетливее: будто кто-то прошел по полу в пустой гостиной.

Они одновременно повернулись к двери. Саша первой взяла себя в руки.

— Спускаемся, — сказала она.

— Ты уверена?

— Нет. Но ждать хуже.

Они спустились в темноту первого этажа вместе. Свет в прихожей почему-то мигал. Когда они вошли в гостиную, там никого не было, но на столе лежало еще одно письмо. Это было уже не предупреждение, а приглашение. Внутри всего три строки:

«Если хотите узнать правду о Маше, идите в подвал.

Но помните: не все, кто там ждут, мертвы.

И не все, кто живы, принадлежат себе.»

Валера почувствовал, как у него пересохло во рту.

Саша медленно сложила листок.

— Теперь ты веришь, что это не просто чей-то розыгрыш?

Он посмотрел на лестницу вниз, туда, где начинался подвал. Темнота там казалась особенно густой, почти живой. Валера вдруг понял, что именно этого места боялась Маша в последние дни. Она будто пыталась сказать ему что-то важное, но не успела.

И теперь дверь, за которой хранилась правда, стояла прямо перед ними.

Валера сделал шаг вперед.

Продолжение следует.

Глава 2. Студенческие годы

До дома, до зеркал, до странных ночных шорохов в старом особняке у Валеры была совсем другая жизнь — шумная, беспорядочная, полная юности, иллюзий и надежд. Он учился на режиссёрском факультете, жил в общежитии, спал урывками, спорил до хлопоты о кино, читал запоем и был уверен, что впереди у него только успех, свобода и настоящая любовь. Тогда ему казалось, что жизнь обязательно расставит все по своим местам: даст талант, работу, женщину, с которой можно пройти до конца. Но именно в студенческие годы он впервые встретил Машу, и тогда же началась история, которую он не смог забыть.

Маша училась на смежном отделении, где готовили художников по костюму и сценографии. Она была не самой заметной на курсе, но именно на таких людях обычно задерживается взгляд. Тихая, собранная, с мягкими движениями и внимательными глазами, она будто всегда слушала не только собеседника, но и что-то ещё — невидимое, внутреннее, скрытое от остальных. Валера заметил её на первом курсе в институтской библиотеке. Она стояла у стеллажа с альбомами по истории искусства, держала в руках потрёпанную книгу и так сосредоточенно читала, что не сразу заметила его.

— Простите, — сказал он тогда, — это место занято?

Она подняла глаза, чуть улыбнулась и ответила:

— Если вы не против соседства с пылью и чужими мыслями, то нет.

Эта фраза показалась ему странной и красивой одновременно. С неё всё и началось.

Сначала они просто пересекались на переменах, потом вместе ходили в буфет, потом сидели до поздней ночи в монтажной, где Валера рассказывал ей свои первые замыслы, а Маша слушала так, словно он говорил не о студенческих этюдах, а о чём-то очень важном. Она почти никогда не спорила, но задавала такие вопросы, от которых ему становилось неловко и интересно одновременно. Маша видела в нём больше, чем он показывал: не самоуверенного студента, не будущего режиссёра, а человека, который в глубине души всё время чего-то боялся — провала, одиночества, ненужности, собственной пустоты.

Он не сразу понял, что влюбляется.

Это пришло постепенно, через мелочи. Через то, как она поправляла прядь волос за ухо, когда волновалась. Через её тетради, исписанные аккуратным почерком. Через запах её духов — лёгкий, почти прозрачный, с чем-то горьковатым. Через тот вечер, когда после экзамена они остались вдвоём в пустой аудитории, и Маша вдруг заплакала, потому что получила незаслуженно низкую оценку, а он, не зная как утешить, просто обнял её. Она тогда не отстранилась. Напротив — прижалась к нему, как будто только этого и ждала.

Их первая близость произошла не как вспышка, а как естественное продолжение долгого, почти болезненного ожидания. Они долго гуляли по ночной Москве, потом оказались в её маленькой съёмной комнате, где стоял старый диван, книжная полка и большое окно во двор. За окном шёл снег. Валера помнил каждую деталь той ночи, хотя саму нежность он позже часто пытался заслонить более поздней болью. Маша была осторожной, но не холодной; трепетной, но не наивной. В ней было что-то очень настоящее, и именно это пугало его сильнее всего. С ней нельзя было играть, нельзя было притворяться. Она смотрела на него так, будто видела

не только сегодняшнего Валеру, но и будущего — со всеми ошибками, которые он ещё только собирался совершить.

После той ночи они стали парой, о которой на курсе говорили почти как о неизбежности. Они вместе готовили работы, ругались из-за мелочей, мирились на лестницах, целовались в пустом коридоре, когда все уже расходились по домам. Со стороны это выглядело красиво и просто. Но внутри у их отношений уже тогда росла первая трещина: Маша слишком глубоко чувствовала, а Валера слишком боялся этой глубины. Он любил её, но не умел долго оставаться там, где становилось слишком серьёзно. Ему хотелось и близости, и свободы одновременно, а Маша не принимала любовь наполовину.

Однажды она сказала ему:

— Ты всегда смотришь так, будто уже готов уйти.

Он попытался отшутиться, но она не улыбнулась.

— Я не уйду, — ответил он.

— Пока да, — тихо сказала Маша. — Но я чувствую, что однажды ты испугаешься меня так же, как испугался самого себя.

Эти слова он тогда не понял. Понял позже — слишком поздно.

Между ними и тенью

Однажды зимой они с Машей получили приглашение на студенческий показ короткометражек в старом доме на окраине города. Это было неофициальное мероприятие, почти домашнее: тесная комната, проектор, запах чая, мокрых пальто и сигарет. Валера привёл Машу туда за руку, не подозревая, что именно этот вечер станет первым знаком того, что их история связана с чем-то гораздо более тёмным, чем обычные отношения.

В том доме на стене висело большое зеркало в старинной раме. Маша почему-то сразу изменилась в лице, когда увидела его.

— Что с тобой? — спросил Валера.

Она не ответила сразу, только смотрела в зеркало с таким напряжением, словно ждала, что оно вот-вот что-то ей покажет. Потом очень тихо сказала:

— Мне здесь не нравится.

— Почему?

— Здесь уже кто-то был до нас. И он не ушёл.

Валера тогда засмеялся, решив, что она шутит. Но потом, уже по дороге домой, Маша рассказала ему о повторяющихся снах. В этих снах она видела женщину в тёмном платье, которая стояла у зеркала и всё время звала кого-то по имени. Имя она не могла разобрать, но каждый раз просыпалась с ощущением, что этот голос обращён не к ней, а сквозь неё. Маша не любила рассказывать о подобном, однако с Валерой позволяла себе быть честнее, чем с кем бы то ни было.

Тогда он впервые по-настоящему испугался за неё — не из-за самих снов, а потому что почувствовал: Маша живёт в мире, где тонкая граница между реальностью и тайной уже давно нарушена. Ему хотелось защитить её, но он не знал как. Он был молод, самоуверен и всё ещё полагал, что разум способен объяснить любое странное явление. Теперь ему было бы легче поверить в случайность, чем в то, что уже тогда кто-то или что-то выбрало Машу своей целью.

Расставание, которое не было концом

К третьему курсу их отношения начали разрушаться не внезапно, а медленно, как трескается стекло от холода. Валера всё чаще задерживался в институте, работал над дипломом, заводил новые знакомства, пытался казаться свободным и независимым. Маша замечала это первой. Она не устраивала сцен, не звонила по десять раз, не требовала объяснений. Она просто становилась тише. И именно эта тишина пугала Валеру больше, чем любой скандал.

В какой-то момент он почувствовал, что между ними появилось то самое расстояние, которое уже не измеряется шагами. Они всё ещё были вместе, но будто бы находились в раз-

ных жизненных ритмах. Маша хотела определённости, а Валера — отсрочки. Она говорила о будущем, он переводил разговор на работу. Она пыталась говорить о боли, он отшучивался. И чем больше она нуждалась в его присутствии, тем сильнее он отступал.

Их расставание произошло после ссоры, которая с виду казалась обычной. Маша пришла к нему поздно вечером, промокшая под дождём, с глазами, в которых было больше усталости, чем злости. Она спросила:

— Ты вообще любишь меня?

Он молчал слишком долго.

— Я не знаю, — сказал он наконец, и именно эти слова разрушили всё.

Она смотрела на него так, будто он ударил её не словами, а самой правдой.

— Тогда не держи меня рядом, — произнесла Маша. — Если ты не можешь выбрать меня, не заставляй меня ждать.

Она ушла в тот же вечер. Без истерики, без лишних слов, без обещаний когда-нибудь вернуться. И Валера впервые по-настоящему понял, что потерял не просто девушку, а человека, который любил его глубже, чем он был готов выдержать.

Саша приходит позже

Прошли годы. После института Валера успел многое: сменить несколько работ, попасть в творческие кризисы, пережить провалы, попытаться построить новую жизнь и убедить себя, что прошлое окончательно осталось позади. Но внутри него всё это время жила недосказанность, оставленная Машей. Не любовь даже — именно недосказанность, потому что настоящая боль чаще всего возникает не от завершённого чувства, а от того, что оно оборвалось слишком рано.

Саша появилась позже, уже тогда, когда он давно был взрослым мужчиной, внешне уравновешенным, с усталостью в глазах и привычкой ничего не ждать от жизни слишком всерьёз. Она вошла в его судьбу иначе, чем Маша. Если Маша была тенью, то Саша — вспышкой. Яркая, резкая, смелая, она не казалась загадкой сразу, но именно в этом и заключалась её опасность. С ней всё происходило быстрее: разговор, взгляд, доверие, притяжение.

Сначала Саша была просто знакомой из круга общих людей. Потом — человеком, который неожиданно оказался рядом в трудный момент. Она умела говорить прямо и не боялась сложных тем, будто сама привыкла жить на грани между внутренней свободой и скрытой болью. Валера заметил, что рядом с ней не нужно изображать из себя того, кем ты не являешься. Это было непривычно и потому особенно притягательно.

Но в отличие от Маши, Саша не пришла в его жизнь случайно. Она появилась в тот момент, когда старые чувства уже были почти похоронены, чтобы поднять их снова — и, возможно, окончательно раскрыть то, что Валера долго не хотел видеть. В ней было что-то от ответа, которого он не заслужил. И, может быть, именно поэтому его тянуло к ней так сильно.

Когда позже Саша узнает о Маше, она не станет ревновать в привычном смысле. Вместо этого она начнёт понимать, что между Валерой и его прошлым существует невидимая связь, которую нельзя разорвать простым выбором. И тогда его история превратится не в обычный любовный треугольник, а в цепь событий, где каждая женщина открывает в нём новую правду о самом себе.

Валера ещё не знает, что любовь к Маше была не концом, а первой дверью. И что Саша пришла не заменить её, а пройти вместе с ним туда, куда одному было бы страшно заходить.

Глава 3. Большая любовь

Когда Валера вспоминал Машу, память никогда не возвращала ему только лицо или голос. Она возвращала целую эпоху — студенческие коридоры, запах мокрых пальто, ночные разговоры на кухне, первые надежды, первые ошибки. С ней он был моложе не только по возрасту, но и по сердцу: честнее, уязвимее, чище. И именно поэтому их любовь осталась в нём

не как красивое прошлое, а как незакрытая рана, из которой потом вырастали все остальные его чувства.

Маша была для него большой любовью не потому, что всё у них было идеально, а потому, что рядом с ней он впервые понял цену настоящей близости. Она не украшала его жизнь, а проникала в неё глубоко, до самых слабых мест. С ней нельзя было жить поверхностно. Она замечала то, что он сам о себе не хотел знать: страх быть ненужным, привычку уходить до того, как его оставят, желание казаться сильнее, чем он был на самом деле. Маша любила не образ, а человека, и именно это делало их связь такой болезненной. Чем сильнее она тянулась к нему, тем очевиднее становилось, что он ещё не научился оставаться рядом, когда становится по-настоящему важно.

После расставания Валера долго убеждал себя, что со временем всё забудется. Но большие чувства не исчезают. Они меняют форму. Становятся тише, глубже, опаснее. И однажды, спустя годы, уже в другом городе и в другой жизни, он снова почувствовал, что прошлое не отпустило его окончательно. Это случилось в тот вечер, когда Саша впервые задержала на нём взгляд чуть дольше обычного.

Саша была не похожа на Машу внешне, но в одном они были удивительно похожи: обе не умели быть поверхностными. Только если Маша входила в его жизнь мягко, почти незаметно, то Саша — резко, с внутренней силой, которая не просила разрешения. Она не старалась понравиться, не играла в загадочность и не пряталась за молчанием. От этого рядом с ней Валера испытывал почти забытое чувство живого интереса, как будто внутри него что-то проснулось после долгой спячки.

Но чем ближе он узнавал Сашу, тем явственнее понимал: встреча с ней не перечёркивает Машу, а продолжает начатую когда-то историю. Саша была не заменой, а продолжением пути, на котором Валера должен был наконец разобраться в себе. И если Маша раскрыла в нём способность любить до боли, то Саша обнажала его страх перед этой болью. С ней он уже не мог быть тем юношей, который прячется за иронией. Теперь ему приходилось выбирать — честность или бегство, глубину или удобство, память или попытку начать заново, не разобравшись с прошлым.

Именно поэтому их большая любовь с Сашей была другой. Она не рождалась из юношеской наивности, как чувство к Маше. Она росла на обломках прежней жизни. В ней было больше зрелости, больше опасности и больше правды. Саша видела в Валере не только мужчину, но и последствия его прежних решений. Она чувствовала, что он несёт внутри что-то неразрешённое, что-то, что тянется за ним годами. И вместо того чтобы отступить, она пошла навстречу этой тайне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.